

События

ЭКСКУРСИЯ В МУЗЕЙ: НЕ «ВНЕКЛАССНОЕ МЕРОПРИЯТИЕ», А УВЛЕКАТЕЛЬНЫЙ ПОХОД В ГОСТИ

ЗАПИСАЛА **М. ГАНЬКИНА**

Даже слыша привычное выражение «дом-музей», мы не задумываемся о родстве музея и дома. А ведь насколько проще было бы организовать поход в музей, освоиться там, придумать творческие задания, если бы мы помнили, что всякий музей похож на дом. В нём, как в обычной комнате, можно искать и находить нужные для себя вещи. Или удивляться вкусу и потребностям хозяев, живших в прошлом веке, а то и несколько тысячелетий назад.

Посещение музея станет ещё более увлекательным и естественным делом, если мы поймём, что и обычный живой человек устроен так же. Все мы храним в себе воспоминания и жизненный опыт, полезные навыки и поучительные истории.

Разбудить в учениках чувство сопричастности проще, когда всё им подсказывает: вместо важного и занудливо-серьёзного «внеклассного мероприятия» предстоит увлекательный поход в гости. И тут уже ясно — чем необычнее хозяйин дома, тем больше впереди приключений...

Рассказывает педагог дополнительного образования московской школы №1811 Татьяна Камнева.

После поездок в Политехнический и Биологический я было почти созрела вести детей в художественный музей — в мою любимую «Третьяковку». Не терпится, конечно, поскорее открыть им мир живописи. И всё же боязно: не рановато ли, не начну ли довлеть своими взрослыми приоритетами? И я решила подстраховаться — начать с Пушкинского музея. И не с живописи.

Я ходила по Пушкинскому и думала: в какой же зал повести детей? И решила связать это посещение музея с историей: по истории они как раз Египет проходили, даже доклады какие-то делали. И мне показалось целесообразным продолжить то, что включено в круг их внимания.

Египетский зал

Уходя, я купила фильм об экспозициях Пушкинского музея. Там были очень живо снятые кусочки про Египет. А фрагменты о захоронениях так вообще были сделаны чуть ли не художественно.

Кстати, экспонаты Египетского зала — настоящие, привезённые из Египта. Голос за кадром даже сказал: «Вот те вещи, которые были в захоронениях, мы имеем возможность их увидеть здесь, в Москве».

[129 – 142]
Сценарии
и алгоритмы

132 ▶

Заданий было пять

На последнем перед походом в музей уроке (мой урок театра у них раз в неделю) я показала эти кусочки фильма своим пятиклассникам.

Потом завела с ними разговор о том, что все мы в жизни как-то действуем (по линии театра мы как раз осваивали *физические действия*). Ну, у ребят свои интересы, и, в основном, они называли действия в пространстве: бегать, прыгать и т.д.

Тогда я задала им провокационный вопрос: «Ребята, а может быть действие одновременно и созидательным, и разрушительным?» Этот вопрос поставил их в тупик. Они стали думать, и урок на этом закончился. В общем, мы ни к какому выводу не пришли.

Задания они получили от меня следующие:

1. Найти в музее то, что видели в фильме (предметы, вещи, иероглифы и т.д.).
2. Найти *самый-самый* старый экспонат.
3. Мальчишкам нужно было найти оружие: какие виды оружия, как египтяне им действовали. А девочкам нужно было найти самое красивое, на их взгляд, украшение.
4. Придумать маленькие истории: мальчикам — про оружие, девочкам — про украшения.
5. Найти в зале письма и посмотреть, на что похожи те или иные иероглифы.

Записали в дневниках, что такого-то числа в воскресенье мы с родителями идём в музей. На этот раз я решила: у нас уже было несколько поездок с родителями, и дети в курсе, поэтому специально ни приглашать, ни звонить не требуется. Как получится, так получится.

По дороге туда

Я думала, раз задел есть, то пап придёт больше. Не тут-то было. К сожалению, пришёл только один... дедушка. Остальные дети (и далеко не все) пришли с мамами.

Опыт показал, что с мамами ходить в музей (извините меня, конечно) не очень целесообразно, потому что мамы ходят парочками — мама с мамой — и обсуждают свои дела. Ну что теперь сделаешь, сама виновата — поленилась организовать приглашения папам...

Мама, честно говоря, из моего поля зрения на этот раз выпали. Разумеется, их тоже надо было посвятить в круг наших заданий. Но сейчас я сознательно не стала этим заниматься. После похода в Биологический музей такая толпа родителей была большая! Казалось бы, начало уже положено. Ну что ещё надо? А оказалось, что взрослых нужно больше подталкивать, чем детей. Но сейчас мне не хотелось это делать...

Пока ехали, я заметила, что мамы общались не между собой, а с детьми. Ко мне приставили Дашу, она мне по дороге к метро рассказала про воду: что бывает живая вода, какими свойствами обладает. И это было так интересно!

А пока мы ехали в метро, две девочки (кстати, новенькие) наперебой рассказывали мне свои доклады про богинь Египта. Я ещё подумала: «Ух ты! Они, оказывается, так много знают!»

Перед входом в музей мы договорились, что встречаемся на выходе ровно через час.

Детки работают

И вот мы в Египетском зале. Гляжу: уже сидят мои пацаны с блокнотиками и ручками перед экспозицией оружия. Что-то обсуждают, записывают.

Потом девчонки начали меня тащить то в одну сторону, то в другую — показывать мне разные украшения.

Потом я услышала, как они обсуждали самый старый экспонат. Говорили о саркофаге.

Потом стали иероглифы на саркофаге рассматривать...

Экскурсоводы напряглись поначалу, что дети свободно разгуливают по залу и впритык разглядывают экспонаты. А потом видят, что дети работают...

А как ребята радовались, когда нашли сосуды с мумифицированными органами, которые видели в фильме! Позвали меня, чтобы разгадывать символы, которые были на сосудах...

Ко мне позже одна служащая подошла и говорит: «Я вам дам телефон. Открылся новый музей. Там рассказывают про Египет и про Грецию. Я смотрю, ваши дети так этим интересуются!»

В круге внимания

Часа оказалось многовато. Осталось время, и мы пошли на выставку масок. И вдруг буквально через 5—10 минут смотрю: мои дети сидят на скамеечке. «Мы устали». Но в Биологическом-то они были два с лишним часа!

И я задумалась: почему же они устали? И вот к какому выводу пришла. Египетский зал маленький, задания определённые, там они были заняты делами. Как только они вышли оттуда, мне кажется, их поразила величина остальных залов. И экспонаты задавили ребят своей громадностью. Один Давид чего стоит!

Я думаю, что круг внимания у них пока ещё маленький. С чем он граничит? С соседом по парте, с классом, со школой, дома — с соседями, приятелями по двору.

Я стала думать дальше: а как же они берут в круг своего внимания факты из истории, географии, биологии — из совсем других миров, с которыми они не соприкасаются непосредственно? И пришла к ужасному выводу: что они, в общем-то, и не берут (пусть меня простят учителя-коллеги). А берут они пока только то, что для них знакомо, близко, похоже на что-то, узнаваемо.

И я подумала: ну что? Расширять круг внимания нужно, но очень медленно. И работать, как мне кажется, именно на узнавании того, что они уже знают, но оно выражено другими средствами, другими красками, другим материалом и т.д. Обживать новое очень маленькими шажками, и тогда оно вдруг станет тоже узнаваемым, а потому своим, близким, понятным...

Как всегда, после посещения музея у нас должен был быть урок «по следам» (или какая-то часть урока). Но я не стала этим заниматься — испугалась возвращения той их усталости, негатива. Испугалась передать.

Третьяковская галерея

Ну вот, а потом я стала готовиться к «Третьяковке». Ходила туда два раза, искала, какие залы могут быть одиннадцатилетним детям близки. Ну, и выбрала по-

[129 - 142]

Сценарии
и алгоритмы

134

следние залы, которые, как мне опять же кажется, могут быть интересны яркими красками, понятными сюжетами, знакомыми по курсу литературы картинами.

Купила открытки с репродукциями картин из этих залов: Врубеля, Левитана, Нестерова, Грабаря, Борисова-Мусатова... Ну, и какие-то репродукции у меня в книжках были.

Урок накануне

Итак, через неделю мы едем в «Третьяковку». Последний перед поездкой урок я посвятила работе с открытками. Открытки у команд были разные. Посыльный выбирал из кучи, которую я разложила на столе.

Задания по открыткам я дала такие.

Первое задание — про величину: найти самый большой объект, самый маленький и самый незаметный.

Второе — про форму: найти, какие предметы напоминают форму круга, прямоугольника; какие ещё формы можно обнаружить.

И третье — про краски: какой цвет в картине занимает самое большое место?

Тут же обнаружились интересные вещи. Например: что считать целостным объектом? Какой самый большой объект — дерево или множество деревьев? Отдельная ветка — это объект или нет?..

С цветом тоже интересные вопросы возникли. В небе, допустим, голубой цвет доминирует или зелёный? Какие цвета друг с другом соперничают? Какой цвет побеждает? Какие оттенки цветов?.. Это была работа, ведущая к началу композиции.

А потом я попросила их, исходя из соотношения красок, форм и величин предметов, дать картинам названия (настоящие названия я на каждой открытке заранее заклеила). Такие интересные названия давали! Кто-то очень близко попал, а кто-то — с точностью до наоборот...

В конце урока я дала задания для предстоящего посещения музея:

1. Найти в музее картины, которые были на открытках, и сказать, чем они отличаются от подлинников.
2. Найти картину, которая тебя зацепила, и попробовать сформулировать, чем она тебя зацепила.
3. Найти картину «самую-самую», перед которой ты невольно остановился и к которой всё время хочется возвращаться.

Бальзам на сердце

Залов, которые я наметила, было семь. Смотрю: мои дети уже блокнотики с ручками достали и пошли по залам кто вдвоём, кто по одному. Ходят медленно, у картин останавливаются. Вот тут моей радости не было предела. И такая тишина, вы себе даже представить не можете!

Во-первых, в залах никого не было — мы были первыми. Во-вторых, залы там небольшие, не как в Пушкинском. В этих тихих небольших залах и дети совсем другие были. Смотрю: бабульки — сторожевые псы — потихоньку демобилизуются. Потому что видят: никаких проблем с этими детьми не предвидится. Никто не кричит, руками ничего не трогает...

На этот раз они без меня гуляли. Никто меня не звал: «Татьяна Михайловна, посмотрите!» Они сами по себе, я сама по себе. Только краем глаза наблюдала за ними, потому что мне было интересно, как они реагируют на живопись.

Возле Борисова-Мусатова остановилось несколько человек: «Ну почему картина называется “Жемчужное ожерелье”?» Никто не мог понять, включая меня. И вдруг Сеня говорит: «Так вот же почему! Потому что на ней все зеленовато-жемчужного цвета!» Вы-то понимаете, какая у меня тут была радость! Ведь не я им открывала, а они друг другу! Прямо бальзам на сердце...

Что они в этих залах запомнили и кто у них потом возник? Левитан, Грабарь, Нестеров. Конечно, Серов — «Девочка с персиками». Многие сказали, что они эту картину знают.

Несколько зацепил Врубель. Но это уже после того, как я немножко сакцентировала их внимание на нём. Я сама его люблю — вот и задержалась, а тут дети подошли. Всё очень естественно происходило...

Но самое интересное было после экскурсии. Потому что на занятиях «по следам» оказалось, что дети очень много из этой поездки вынесли, чего я и не ожидала.

По следам «Третьяковки»

По следам «Третьяковки» я провела аж три урока!

В это время я осваивала с ними физические действия. Ещё накануне поездки в Пушкинский я подвела их к мысли, что действие бывает разрушительным и созидательным. И первое занятие было построено на этом.

Живые картины

Вначале я привела такой пример из школьной жизни. Вскинутая вверх рука «кричит»: дайте мне сказать, я знаю, я могу! И я спросила: это действие разрушительное или созидательное? Они крепко задумались. Ведь, с одной стороны, это действие явно положительное: я же выучил, я наполнен информацией, знаниями. А с другой — отрицательное: я отрицаю других, не даю им высказаться, не интересуюсь их мнением...

Следом я дала такое задание: продемонстрировать в командах действие, одновременно разрушительное и созидательное. Сценки делались по принципу «моментального фото». На подготовку — одна минута. Занавес! Застыли на пять секунд. И потом действие оживало. А зрители должны угадать, какое действие продемонстрировано.

Как ни странно, сценки они сделали про Египет — неожиданно выстрелил Пушкинский музей. Была, например, такая сценка: фараон строит пирамиду. И дети говорили: «Ну как же, ведь он строит — это созидание. А для чего строит? Для разрушения — ведь всё со временем разрушается».

Композиции из предметов

На втором уроке каждой команде надо было из разных по форме, величине и цвету предметов составить свою картину. Предметы я заготовила заранее. Это

были геометрические фигуры из кабинета математики: кубы, шары, прямоугольники, трапеции, цилиндры.

Парты быстренько сдвинули к стенам класса и освободили пол. Картины составляли на полу. Кто-то придумал даже ограничить свою картину рамкой из поясов и ленточек...

И тут произошла удивительная вещь. По мере того как группы выкладывали свои картины, оказалось, что в каждой картине есть один главный предмет, вокруг которого и строится жизнь. Я обрадовалась: мне показалось, что это у детей были зачатки понимания, что такое композиция.

А потом, когда картины были составлены, по очереди подходили к каждой, рассматривали и предлагали свои названия. У кого-то оно совпало с авторским вариантом, у кого-то — нет.

А Максик так вообще проснулся на этой работе. Он вообще-то хороший парень, но слегка флегматичный. И вот на этом занятии в нём вдруг что-то щёлкнуло — он стал разговаривать, спорить. И на моих последующих уроках был активным и чуть ли не увлечённым. Мне показалось, что это здорово.

Рисование под Пастернака

На следующем уроке так вышло, что они рисовали под музыку. У меня всегда под рукой какая-то моя любимая музыка. И всегда на всякий случай приготовлены бумага и краски. И вот я им читала Пастернака под музыку, а они рисовали.

Я знаю, что рисование — это довольно рискованное задание, настроенческое. У кого-то получается, у кого-то совсем нет. В тот день так вышло, я не задумывала заранее. Но ситуация сложилась так, что я захожу на перемене в класс, а они бурно обсуждают: мол, ты за или против Гоши? Атмосфера, я вам скажу, очень наступательная. И я, не дожидаясь звонка и без всяких предисловий, поставила музыку и начала читать стихи, чтобы как-то снять эту агрессию.

Они ещё попереговаривались друг с другом, а потом затихли. В паузе я дала задание нарисовать любую картину из «Третьяковки». Во-первых, мне казалось, что выход картины в рисунок целесообразен: передать впечатление или что запомнилось. А потом, они так редко рисуют!

Ну, они взялись за дело, а потом так увлеклись! Не осталось ни одного белого листа. Были акварель и гуашь. Маша с Катей из пластилина лепили. А я читала Пастернака.

В паузе кто-то попытался вывести у меня: а вы, мол, Татьяна Михайловна, за или против Гоши? «Если Бог — за, то как я могу быть против? — ответила я. — А Бог, конечно, за Гошу. Иначе бы Гоша не родился на свет. Так что постановка вопроса не совсем уместна».

А потом они угадывали друг у друга, кто какую картину нарисовал...

